

Патрисия КААС:

Свободная Грузия. - Тбилиси. - 1991. - 15 июня. - с. 10

«Меня любят за то, что я есть, а не за то, что я пою»

Это история маленькой девочки из шахтерского поселка, которой коснулась волшебная палочка феи. Жила-была девушка, слушала Клода Франсуа и пела на семейных праздниках. Папа Каас вкалывал на шахте, мама самоотверженно растила семерых детей в Стиринг-Ванделе, пригороде Форбаха, что на востоке Франции. Никаких каникул на берегу моря, мало игрушек.

Детство тяжелое и трогательное. Детство, которое нельзя забывать: если «лишить» Патрисию Каас ее родины, ее отца, матери, пятерых старших братьев и сестры, не понять этой маленькой женщины, извивающейся на сцене, выигрывающей золотые диски. Не понять этого кумира пятнадцати- и семидесятилетних по всему миру. Для Патрисии музыка — это музыка балов. Балов, на которых она выступала с 8 лет. «Когда я пела на праздниках пива, люди приходили не для того, чтобы послушать меня, а чтобы выпить и поболтать. Это было трудно, но пошло мне на пользу. Сегодня этот опыт мне очень помогает. Кроме того, ранние выступления способствовали развитию моих голосовых связок. Желание петь пришло как-то сразу. Никто меня не заставлял — я взорвалась на сцену по собственной воле».

Однажды, в 1983 году, какой-то человек влюбился в ее голос. Это был архитектор из провинции, женатый, отец семейства. Он сделал все, чтобы Париж услышал Патрисию: завоевал доверие ее матери, нашел автора, композитора и покровителя, поразившего этим голосом, — Жерара Депардье.

— Вы говорите себе: «мне повезло» или «это нормально, я много работала».

— Мне повезло, но я и работала много. Мне так хочется заниматься этим делом! Я много и охотно работаю. Вся моя жизнь жидется на этом. Например, я живу на пятом этаже, лифта нет, и, возвращаясь из турне, я должна подниматься на пятый этаж со своими чемоданами. Я злюсь, но иду, и в конце концов дохожу. Сила воли — это все.

— У вас такой серьезный вид...

— Да. И в жизни, и в работе. В работе даже больше. Я была так воспитана матерью. Она мне говорила: «В жизни надо бороться, иметь волю, характер». Я так и живу. Покупаю себе одежду, а в остальном немного о себе забочусь.

— Что вам нравится в вашем успехе?

— То, что люди любят меня за то, что я есть, а не за то, что я пою. Я не хочу меняться, становиться другой. Поэтому часто я одинока. Люди говорят, что у меня грустный вид, но это потому, что я люблю быть одна.

— А неожиданный денежный дождь?

— По большому счету, это не внесло больших из-

менений. Это не потому, что у меня есть деньги на покупку дорогих тряпок, на шикарные отели и рестораны. В турне я останавливаюсь в том же отеле, что и музыканты. Иногда богачи выглядят очень смешно со стороны. Я не люблю богатых, которые высокого о себе мнения лишь по причине наличия денег. Я нахожу это глупым и смешным.

— Что вы делаете с деньгами?

— Купила машину, квартиру в кредит. Это все гениально, но деньги не дают счастья. Я и раньше была счастлива, по-другому, конечно. Счастье не покупается. Живу я просто. Модных мест не посещаю, потому, что чувствую себя там неудобно, это не для меня, я была воспитана по-другому.

— Ваша мать сыграла большую роль в вашем выборе. Вам никогда не казалось, что она проецировала на вас свое желание сделать карьеру?

— Нет.

— Когда она умерла, вы были уже известны?

— Она застала лишь самое начало моего успеха, но не успела увидеть меня на сцене. С моими собственными песнями. Когда я начала свою карьеру, она заболела. Она читала обо мне в газетах, это ее увлекало и поддерживало во время болезни.

— А ваш отец?

— Папа всегда говорил: «Патрисия делает то, что намеревается делать». Сегодня он горд и доволен. Он скромный, тихий. Он не показывает своей радости, но когда идет с друзьями играть в шары, только обо мне и говорит.

— Чем вы занимаетесь, когда возвращаетесь к себе, в Стиринг-Вандель?

— Я навещаю свою семью: папу, собаку, сестру. У нее родился ребенок семь месяцев назад — мальчик, зовут его Жоффрей — я его крестная. Впервые я стала крестной! Я восемь раз теть и один раз крестной! Для меня семья — очень важно. Это меня поддерживает. Потому, что турне, путешествия утомляют. Если я в плохом настроении, я приезжаю сюда и восстанавливаю силы. Это мне напоминает время, когда я была юной.

— Случается там праздновать, веселиться?

— В общем-то нет. В барах полно дыма, это опасно для голоса. Дважды я срывала голос, это nastoroжило.

— Вам не приходилось пробовать наркотики?

— Никогда. Я не курю, не пью, не люблю алкоголь. Лишь однажды, в Москве я выпила водки и совсем опьянела.

— Создается впечатление, что вы не думаете ни о чем, кроме работы.

— Да, но для меня дать концерт — это не вкалывание, а радость. Мне это необходимо.

— Есть в жизни вещи, которые приводят вас в негодование?

— Да. Например, отно-

шение к пожилым людям. Я очень чувствительна к этому. Вот как я подралась в первый раз. Я училась в колледже, мне было 11 лет. Я была худой, маленькой. Возвращалась домой автобусом. И вот какой-то здоровый тип плюнул на спину старичка. Я была возмущена и сказала себе: «Если я подойду и скажу ему все, что я думаю, он меня побьет, но это неважно!». Я подошла к нему, все ему высказала и залепила пощечину.

— И что же?

— Он меня поколотил, но я гордилась собой.

— Вы всегда сами принимаете решения?

— Да. В жизни ли, в работе я все решаю сама. Вначале было не так, я лишь училась. Но уже два года я принимаю решения сама. Например, было сложно сменить студию грамзаписи, но я рискнула.

— И создали собственную?

— «Ноты блюза», в которой я выпустила мой второй альбом. Самое важное в контракте — свобода и еще раз свобода, она не покупается. Я хочу самому продюсером — это очень важно при выборе песен. Ведь студии думают о коммерции, но не о карьере.

— Может карьера занимать всю жизнь?

— Всю жизнь? Не знаю. Я хочу выйти замуж, иметь детей. Сейчас я люблю быть одна, но когда у меня будет семья, я знаю, она займет первое место.

— У вас есть время на личную жизнь?

— В данный момент меня это мало интересует.

— Вы не собираетесь иметь друга?

— Нет. Если завтра я безумно влюблюсь, я буду думать лишь о нем. Но сейчас меня занимает моя работа, а не желание жить с кем-либо.

— Говорят о ваших чувствах к Алену Делону?

— Эта история меня очень тронула, так как Ален Делон — личность, которую я очень ценю. Однажды он позвонил и пришел увидеться со мной в «Зените». Я почувствовала, что он мной любит, ну да ладно... Все думали, что это любовная история. У меня было к нему красивое чувство. Это почти друг, человек, делающий свое дело уже много лет, он приглашает меня время от времени, мы с ним говорим. У него большое сердце. Но между нами ничего не было.

— Париж смущает вас?

— Вообще, я очень тихая, воспитана на немецкой культуре. Я плохо говорила по-французски. Дома, с друзьями, говорила по-немецки. Очутившись в Париже, почувствовала трудности.

— Тогда и ваша мать заболела?

— Да. Самый сложный период в моей жизни был, когда я потеряла мать. Не могу представить себе ничего более ужасного. Потому, что она была больше, чем мать. Это была почти история любви. Мы всегда были вместе. Всегда, везде. Мы вместе ходили в кино. Поговаривали, что я старомодна. Мне было больно оставлять маму и уезжать в Париж. Но она этого хотела. И я это сделала. Когда мама заболела, я часто проводила ночь рядом с ней в больнице, а утром возвра-

щалась в Париж. Она всю жизнь боролась, вырастила семерых детей и как раз в тот момент, когда могла воспользоваться результатами своего труда, заболела. Для меня она всегда жива. Свое первое выступление в «Олимпиаде» я посвятила маме. Мне это было необходимо. Иначе я не смогла бы подняться на сцену. Действительно, я много работаю, но это был способ побороть горе. Если бы я не трудилась, не выдержала бы. Я ношу ее кольцо. У меня есть плюшевая игрушка, которую я ей когда-то подарила. В день похорон она была в ее руках. Я сохранила игрушку. Она всегда со мной, в сумке, на мне. На это обращают внимание, поэтому, что если она не со мной, то выступление не очень получается...

— Вы верите в Бога?

— Не очень. Я верю в любовь. Любовь не разбивается, не ускользает. Когда она мне необходима, я думаю о ней — и вот она, рядом со мной.

— Хотели бы вы петь другой репертуар?

— Некоторые говорят мне, что то, что я пою, — не на уровне моего голоса, но я такова. Мой словарный запас не очень богат. Если бы я не «переживала» свои тексты, я бы не могла их интерпретировать и вкладывать в них чувство. Надеюсь, в один прекрасный день я смогу сама писать слова.

— А когда вас сравнивают с Пиаф?

— Это была великая певица, но я всегда говорю, что Пиаф — это Пиаф, и нельзя сравнивать ее личность, характер с начинающей певицей. Я также не понимаю, когда меня сравнивают с Марлен Дитрих, имея в виду мое немецкое происхождение.

— Что вы думаете о среде шоу-бизнеса?

— Претенциозные люди, причиняющие мне много зла. Они смотрят на меня сверху вниз. Самые великие — простые: Монтан, Азнавур. Но есть и другие, как Мирей Матье, которая строит из себя звезду. Я всегда защищала Матье в школе от нападок подруг, но, встретившись с ней, я разочаровалась. Я не питаю уважения к людям, воображающим из себя невесту. Это порождается их окружением, где целыми днями повторяется, что они, мол, лучшие. Во избежание этого я взяла никому не известных менеджеров, еще не испорченных своим ремеслом.

— Какой вы себя находите?

— Ни красивой, ни уродливой. На сцене я чувствую себя лучше, более привлекательной. В детстве я была закомплексована по причине своей белизны и худобы.

— Вы мечтаете о прекрасном принце?

— Р юности я считала, что Ален Делон — самый красивый мужчина на свете.

Журнал «Пари-матч».
Перевод с французского
Альды ЕНГОЯН.

